

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Т.И.Артёмова, канд. экон. наук

Институт экономики и прогнозирования НАН Украины

ИНСТИТУТ МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ

Рассматриваются подходы к исследованию института меры экономической ценности. Предпринята попытка прояснить сущность денег и выполняемых ими функций сквозь призму понятия „благо“ с позиций классической ценностной методологии.

Проблема меры экономической ценности всегда находилась в центре внимания экономической науки, являясь предметом многочисленных дискуссий, споров и суждений. Необходимость обоснования чётких единиц меры в ходе познания экономических явлений и процессов актуализировалась в конце XIX – первой половине XX веков в связи с распространением методологии функционального анализа. "Три трудности больше всего мешали мне.., и я не мог чётко сформулировать свои мысли, пока не нашёл известного разрешения этих проблем; речь идёт о следующих вопросах: во-первых, выбор единиц измерения, пригодных для исследования экономической системы в целом; во вторых, роль, которую в экономическом анализе играют предположения, и, в-третьих, определение дохода"¹, – пишет Дж.Кейнс. Тот факт, что единицы измерения, которыми обычно пользуются экономисты, не удовлетворительны, автор пытается иллюстрировать на примерах концепций национального дохода, запаса реального капитала и общего уровня цен. Так, понятие национального дохода, выведенное в теориях А.Маршалла и А.Пигу, по мнению Кейнса, не отображает механизмов взаимосвязи между реальным и денежным доходами общества; трудности возрастают, когда при исчислении чистой продукции требуется измерить прибавление к капитальному оборудованию. Элемент нечёткости, заведомо содержащийся в понятии общего уровня цен, делает сам этот термин совершенно неудовлетворительным с точки зрения анализа причинно-следственных связей – анализа, который должен быть точным², – заключает автор.

В целом рефлексия бытия меры как меры бытия, а также производная от неё потребность в прояснении механизмов хозяйственных измерений характеризуют классический (ценностный) взгляд на мир. К концу XX столетия экономическая наука значительно отошла от ценностных императивов при исследовании собственного объекта, как бы впала в "ценностное беспамятство", так что сегодня потребность в восстановлении и обосновании института меры экономической ценности, несмотря на богатую историю исследования вопроса, сохраняется в полном объёме. Про-

¹ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М., 1999. – С. 39.

² Там же – С. 41–42.

блема измерения динамики инфляции и реального продукта (дохода) относится к числу острейших в современной экономической теории, пишет, в частности, В.Маевский. Её нередко называют проблемой "уличных боёв в системе ценовых измерений". И неслучайно от того, насколько точно, а главное, осмысленно измеряется динамика инфляции и реального продукта, зависит не только престиж экономической науки, но и качество макроэкономической политики государства³. Положение дел в системе современных экономических измерений, по мнению автора, таково, что в качестве аксиом здесь зачастую принимаются экономические допущения, ставящие под сомнение дееспособность всей системы. Так, использование общего индекса цен (например, дефлятора ВВП или индекса потребительских цен) в качестве "измерителя" инфляции является теоретически несостоятельным в силу игнорирования им сущности денег как универсальной меры ценности товаров и услуг⁴.

Как же случилось, что в XXI век экономическая наука вступает обременённая таким грузом проблем, который подвергает сомнению значимость накопленного ею в течение многих столетий методологического потенциала: ведь *проблема меры исходно является пробой на прочность любой доктрины?* На наш взгляд, причин такого положения дел достаточно много, но все они могут быть сведены к одной: сегодня никто не рассматривает меру экономической ценности как институт. Такая точка зрения может вызвать возражения. Современный институционализм в совокупности трёх его составляющих – старого институционализма, неoinституционализма, эволюционной экономики – явление настолько многоплановое, что любой феномен хозяйственной жизни, в том числе экономическая мера, может быть здесь интерпретирован как институт. Между тем наше утверждение сохраняет силу, ибо между названными выше институциональными ветвями никакого единства нет и каждая из них трактует институты по-своему, в контексте методологии того ценностного ядра (маржинального либо стоимостного), к которому она идейно тяготеет, или вне ценностной платформы вообще. В силу этого указанные ветви предстают как составляющие традиционного институционализма, неспособного воссоздать единый пространственно-временной образ своего объекта, а *любая из предлагаемых в его рамках трактовок института оказывается неистинной в силу её неполноты или ценностной безосновательности*, следовательно, проблема идентификации института в целом и меры экономической ценности в частности сохраняет актуальность.

Обозначить подходы к исследованию меры экономической ценности как института в широком смысле – в контексте её взаимосвязи с отношениями стоимости (бытия экономического времени) и предельной полезности (бытия экономического пространства)⁵, взглянуть на проблему эко-

³ Маевский В. Экономические измерения и фундаментальная теория // Вопросы экономики. – 2005. – № 10. – С. 25.

⁴ Там же.

⁵ О взаимосвязи отношений стоимости и бытия экономического пространства-времени см.: Гриценко А. Эволюция стоимости // Экономика Украины. – 2001. – № 4. – С. 45–55; Артёмова Т.И. Истоки ценностных отношений // Экономическая теория. – 2005. – № 1. – С. 3–16.

номических измерений сквозь призму понятия "благо" с позиций классической ценностной методологии составляет цель настоящей статьи.

Развитие институциональной теории по форме явилось адекватным ответом экономической науки на глобальный общественный запрос, связанный с необходимостью прояснения сути и механизмов реализации хозяйственной переходности и процессуальности. Однако "торжественное шествие" институциональной экономики на рубеже веков и тысячелетий не только не способствовало преодолению методологического кризиса экономической науки (который, в свою очередь, является частью глобального кризиса методологии познания в целом), но породило раскол и противоречия в собственной среде. Иначе и не могло быть, ибо *институциональная экономика в её теперешнем виде есть порождение традиционной экономической теории, в то время как истинный ответ на глобальный общественный запрос сегодня может дать лишь релятивистская экономическая наука, способная осмыслить и истолковать феномен относительности*. Именно такая наука, по сути своей являясь институциональной, вправе претендовать на статус общеметодологической классической теории. При этом толкование института должно быть адекватно сущности этой теории, то есть имеющуюся понятийную форму необходимо наполнить новым содержанием⁶.

Если определить *социально-экономический институт как генетический код (образ) бытия экономического пространства-времени*, символизирующий и воспроизводящий механизм действия законов экономической эффективности и социальной справедливости посредством синтеза, хранения и транслирования социально-экономической информации, то основополагающим институтом системы общественного хозяйства как универсума⁷ будет являться институт экономической ценности (экономического блага). В самом общем виде *экономическая ценность как экономическое благо предстаёт условием и/или результатом человеческой хозяйственной деятельности, что имеет определённую полезную форму и выступает в процессе общественного обмена в троякой определённости предельной полезности, стоимости и цены*. В русле такого подхода развёртывание генетического кода (генезис) хозяйственной системы осуществляется посредством взаимопревращения экономических связей и отношений – трансформ экономической ценности, отображающих взаимное перетекание бытия экономического пространства (предельной полезности) и бытия экономического времени (стоимости). *Превращённость экономической формы при этом выступает основным конституирующим признаком социально-экономического института*, взаимное же перетекание (трансформация) ценностных связей и отношений

⁶ См.: Гриценко А. Структура рыночной трансформации инверсионного типа // Экономика Украины. – 1997. – № 1. – С. 4–5.

⁷ Современные исследователи все более склонны рассматривать хозяйственную систему общества как сложный социально-экономический организм, функционирующий и развивающийся по законам биогеохимии (см.: Тарасевич В.Н. Институциональная теория: методологические поиски и гипотезы // Экономическая теория. – 2004. – № 2. – С. 48–60; Ольсевич Ю. К релятивистской экономической теории // Вопросы экономики. – 1995. – № 6. – С. 11 и др.).

реализуется в ходе общественного экономического выбора одновременно на всех (нано-⁸, микро-, макро- и пр.) уровнях хозяйственной системы, отображающих неразрывное единство бытия её прошлого, настоящего и будущего, посредством постоянного воспроизведения механизмов транскрипции и трансляции социально-экономической информации.

Так, взаимопревращаясь из субъективного ощущения-точки (кодон), отображающего оптимальный баланс предельного удовлетворения (наслаждения) и предельной тягости трудовой жизнедеятельности хозяйствующего лица, в объективное общественное отношение обмена – фокусируемое меновой пропорцией единство отношений предельной полезности и стоимости (x экономического блага $A = y$ экономического блага B) (геном), институт экономической ценности развивается во многомерное бытие экономического пространства-времени – генетическую конституцию (генотип) социально-экономической системы – ценностный механизм, обеспечивающий преемственность её равновесного состояния и устойчивого развития посредством воспроизведения и реализации единой "записи" экономической информации на нано-, микро- и макроуровнях хозяйствования⁹.

Однако осознание института экономической ценности (а вместе с тем анализ условий, предпосылок и механизмов реализации общего экономического равновесия и устойчивого развития хозяйственной системы в единстве её связей и отношений, принципов экономической эффективности и социальной справедливости, самоорганизации и организации на различных уровнях, от нано- до глобального) оказывается невозможным без прояснения и развёртывания *института меры экономической ценности*. Особая значимость такого института обуславливается тем, что он *является связующим звеном между теоретическими построениями и их деятельным воплощением в практике общественного хозяйствования, а также своеобразным (специфическим) инструментом реализации трансцендентной сущности экономической ценности как блага*. Трансцендентный характер экономической ценности как института (превращённой экономической формы) раскрывается на путях её многоосмысленности, многозначности и многобытия как единой сущности. Превращённая экономическая форма в свёрнутом виде содержит все другие превращённые формы как своё инобытие: её обособленность одновременно означает превращение – перетекание экономических явлений, процессов, связей, форм, отношений – и возможна лишь как элемент единой сущности – Высшего блага¹⁰. *Как совокупность относительных форм и оформившихся отношений (трансформ), как внутреннее беспокойство экономической формы, актуализирующее экономические явления, процессы, связи и отношения, экономическая ценность одновременно выступает адекватной мерой всех своих превращённых форм*.

⁸ См.: Клейнер Г. Нанозкономика // Вопросы экономики. – 2004. – № 12. – С. 70–93.

⁹ См.: Артёмова Т.И. Стоимость и цена: логико-исторический процесс формообразования. – К., 2006.

¹⁰ См.: Там же.

В самом первом приближении *понятие меры также оказывается тройственным*. Прежде всего, мера предстает *философской категорией*, отображающей диалектическое единство количественно-качественных характеристик объекта. Она указывает предел, за которым изменение количества влечёт изменение качества объекта и наоборот. Во-вторых, мера как *эстетическое понятие соразмерности* лежит в основе ритма, гармонии, пропорциональности – мелодии в музыке, ансамбля в архитектуре, композиции в живописи, литературе и т. п. В-третьих, как атрибут метрологии мера есть *средство (эталон, образец) измерения*, обеспечивающее воспроизведение физических величин заданного размера.

В экономической теории понятие меры стоимости традиционно рассматривается в качестве одной из функций денег. Однако в свете теории экономической ценности оказывается, что деньги как институт и есть мера экономической ценности, то есть *деньги суть общественное экономическое благо, институт меры экономической ценности*. Такое определение денег является исходным пунктом для развёртывания института меры экономической ценности как понятия, раскрывающего механизмы реализации связей и отношений экономического блага в узком и широком смыслах. Первым шагом на пути разрешения этой задачи является прояснение функций денег.

Несмотря на то, что в современной учебной экономической литературе изложение перечня и содержания функций денег предстаёт почти банальной процедурой, их вычленение и объяснение при научном исследовании оказывается делом довольно сложным. Связано это с тем, что на протяжении XX века, особенно в последние его десятилетия, сущность самих денег, а также формы, методы, способы организации и регулирования денежного обращения значительно изменились. Одновременно *экономическая теория в форме ортодоксального марксизма и модели неоклассического синтеза окончательно порвала с традициями классической методологии как логики Срединного пути, что обусловило здесь деградацию ценностного знания*. И сегодня экономисты-исследователи, руководствуясь принципами методологического плюрализма и эклектики, анализируют функции денег в диапазоне от их фрагментирования – расщепления и обособления ряда несвязанных между собой денежных свойств, каждое из которых реализуется с помощью отдельного механизма¹¹, до объединения в громоздкую хаотическую совокупность¹².

В денежной теории, таким образом, возникает проблема, аналогичная той, что характерна почти каждой отрасли знания эпохи постмодерна, когда процесс исследования уподобляется некоему блужданию по коридорам бесконечного информационного лабиринта. Например, в молекулярной биологии, по свидетельствам специалистов, фрагментация знания, неспособность к научному обобщению и абстрагированию при попытке проследить механизмы генного кодирования определённых при-

¹¹ Кузнецов Н. Либерализация денежного обращения: проблемы и подходы // Вопросы экономики. – 1996. – № 8. – С. 5 и др.

¹² Юровицкий В. Эволюция денег: денежное обращение в эпоху изменений. – М., 2004. – С. 23–29 и др.

знаков организма в процессе трансформирования генотипа в фенотип, всё чаще заводят исследователя в логические тупики, отдаляя и отвлекая от разрешения основного вопроса: что есть жизнь? Проходит жизнь исследователя, и оказывается, что всю её он потратил на блуждания в лабиринте, пишет Е.Свердлов. И далее: если ему повезёт, то он обнаружит ещё несколько новых проходов, но в целом ему уготована роль мальчика, который мог вспомнить в мельчайших деталях каждый момент своей жизни, но в конце её понял, что не способен мыслить, то есть, отвлекаясь от различий, обобщать и абстрагироваться¹³.

В связи с отсутствием адекватных методов научного анализа современное естествознание всё более ощущает себя жертвой ловушек сетевых информационных структур; представители научной элиты высокотехнологического сектора бьют тревогу. "Объём информации достиг того критического уровня, когда необходим пересмотр философских концепций, на которые опираются исследователи в попытке снять с молекулярных позиций принципы организации живых систем"¹⁴, – говорит Е.Свердлов. "Антропоцентрический взгляд на развитие оказывается ложным, – отмечает Г.Заварзин. – Для естествоиспытателя картина значимости объектов переворачивается по отношению к порядку ценностей, которыми оперирует философия... Ссылка на естественные законы как прототип социальных законов рынка – типичный пример логического круга с возвращением к исходным посылам..."¹⁵.

Вместе с тем в силу целого ряда исторически и логически обусловленных обстоятельств философия сегодня не в состоянии предложить адекватную методологию познания системы общественного хозяйства. В условиях наметившегося перехода глобального хозяйствующего социума (универсума) к постэкономическим формам жизнедеятельности её призвана сформировать экономическая теория, которая располагает ценностным ядром и мощным инструментарием исследования и преобразования устоев бытия. Однако, пребывая в состоянии ценностной разобщённости основных теоретических подходов, экономическая наука не осознаёт трансцендентный смысл своей общеметодологической миссии и испытывает те же проблемы, что и все другие науки – блуждает в коридорах информационного лабиринта. Не наведя порядок на своих "полях", она не может стать светочем для других. Восстановление институционального (ценностного, классического) русла научной методологии как логики превращённых экономических форм, отображающей органическое единство теории трудовой стоимости и маржинализма, может стать достойным ответом экономической теории на вызовы эпохи постмодерна и информационной экономики. С позиций указанной методологии попробуем выявить функции денег и тем самым прояснить сущность института меры экономической ценности.

¹³ Свердлов Е.Д. Биологический редукционизм уходит? Что дальше? // Вестник Российской академии наук. – 2006. – Т. 76. – № 8. – С. 712–714.

¹⁴ Там же. – С. 707.

¹⁵ Заварзин Г.А. Бытие и развитие: эволюция, сукцессия, хаэссеитас // Вестник Российской академии наук. – 2007. – Т. 77. – № 4. – С. 340.

Ценностная методология предполагает *разворачивание истории в современность*¹⁶ и концентрацию научного внимания на осмыслении теоретических положений классических первоисточников. Дж.Хикс рассматривает поле экономической истории как площадку научных дискуссий¹⁷, и сегодня действительно актуализируются и требуют своего прояснения и разрешения многие ценностные споры и диалоги, казалось бы, давно забытые: Плотина и Аристотеля, И.Ньютона и И.Гёте, А.Эйштейна и А.Бергсона, К.Поппера и Т.Адорно и др.¹⁸ Не освободившись от груза духовных проблем прошлого, человечество оказывается неспособным успешно преодолеть проблемы настоящего и грядущего.

По мнению А.Лейонхуфвуда, для прояснения сущностных положений современной монетарной теории целесообразно восстановить ценностный диалог И.Фишера и К.Викселля. Преемственность по отношению к идеям Викселля была утрачена при формировании неоклассического синтеза, в то же время мы уверены, что теоретическое наследие Викселля не устарело¹⁹, – отмечает он. Действительно, указанное "распутье мысли" (по Лейонхуфвуду) чрезвычайно актуально в контексте объяснения нарастающих сбоев в механизмах экономических измерений, на которых сосредоточивает внимание и В.Маевский. Однако, думается, *для идентификации меры экономической ценности как института*, порождающего сами эти механизмы, *особое значение приобретает ценностная полемика А.Смита, Д.Рикардо и К.Маркса*. Для восстановления её содержания обратимся непосредственно к первоисточникам.

Действительная ценность вещи есть труд и усилия для приобретения её, говорит А.Смит. Действительная ценность вещи для лица, уже приобретшего её, есть труд и усилия, сберегаемые и перелагаемые им на других лиц. Однако в реальной жизни нелегко определить отношение между двумя различными количествами труда, поэтому люди охотнее принимают для измерения меновой ценности благ осязательный предмет, известный товар²⁰. Как только деньги становятся всеобщим орудием обмена, непосредственный обмен прекращается и все блага начинают обмениваться на деньги. Тем не менее, *по Смиту, меновая ценность денег изменчива*, тогда как одно и то же количество труда всегда и всюду сохраняет для работника (при обычных обстоятельствах) одну и ту же ценность, то есть всегда требует одинаковых пожертвований спокойствием, свободой и счастьем²¹. Следовательно, *только труд является ис-*

¹⁶ Гриценко А. Структура рыночной трансформации инверсионного типа. – С. 4.

¹⁷ Хикс Дж. Теория экономической истории. – М., 2003. – С. 19.

¹⁸ Бугай Д.В. Несколько пассажей, иллюстрирующих этику Плотина // Вопросы философии. – 2006. – № 1. – С. 135–145; Кутырев В.А. Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования) // Вопросы философии. – 2002. – № 9. – С. 68–80; Аксёнов Г.П. К истории понятия дления и относительности // Вопросы философии. – 2007. – № 2. – С. 107–117; Фуллер С. Карл Поппер и воссоединение левого рационализма // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 110–124 и др.

¹⁹ Лейонхуфвуд А. Макроэкономическая теория в двадцатом столетии: основные вехи развития // Вопросы экономики. – 2006. – № 11. – С. 26–27.

²⁰ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., 1962. – С. 39.

²¹ Там же. – С. 40.

тинным масштабом для измерения меновой ценности благ, выступая их действительной ценой, тогда как деньги – лишь нарицательной. Но и сам труд, подобно благу, имеет действительную и нарицательную цену; первая состоит в количестве предметов необходимости или удобства, отдаваемых за труд, вторая – в количестве денег. Рабочий вознаграждён хорошо или худо, говорит Смит, судя по действительной, а не по нарицательной цене его труда²². В связи с этим различие между действительной и нарицательной ценами товаров приобретает более широкое значение в практике реального хозяйствования. Так, в определённое время и в определённом месте деньги представляют собой точное мерило действительной меновой ценности всех товаров, однако вследствие изменения меновой ценности самих денег (золота и серебра) одна и та же нарицательная цена выражает в разное время весьма различные ценности. В связи с этим для очень продолжительных периодов, по Смиту, хлеб представляет собой лучшее мерило, чем серебро, потому что "...от столетия к столетию одинаковые количества хлеба обмениваются скорее на то же количество труда, нежели серебра. Напротив, от одного года к другому серебро представляется лучшим мерилем, чем хлеб, потому что одинаковые количества серебра скорее могут быть обменены на одинаковое количество труда"²³.

Таким образом, бытие меры экономической ценности у Смита предстаёт как органическое единство трёх его основных ипостасей, каждая из которых, по сути являясь "идеальной ценой", потенциально может выступать и мерой бытия в форме реального масштаба цен – действительной (отображающей дихотомию труда затрачиваемого и труда покупаемого), нарицательной (номинальной, представленной полноценными деньгами), естественной (связанной со стандартами воспроизводства рабочей силы – хлеб). При этом денежные (рыночные) цены хлеба (основного продукта питания работников) в долгосрочном периоде оказываются инобытием денежных (рыночных) цен труда (заработанной платы), то есть денежная (нарицательная) мера экономической ценности обеспечивает увязку действительной и естественной меры, их взаимообращение, перетекание. Следовательно, по Смиту, институт меры экономической ценности реализует свою трансцендентную сущность в форме масштаба цен посредством трёх основных функций: меры экономической ценности со стороны производства (действительная цена – труд затрачиваемый), меры экономической ценности со стороны потребления (естественная цена – труд покупаемый) и денежной меры (реальная цена – рыночная меновая пропорция), отображающей взаимное перетекание (обращение) действительной и естественной цены, в широком смысле – меры и масштаба. Но почему именно деньги в форме золота и серебра, несмотря на их собственную изменчивую меновую ценность, призваны в практике реального рынка выполнять главную функцию (средства обращения), идентифицирующую (посредством цены) институт меры экономической ценности как превращённую эко-

²² Там же. – С. 41.

²³ Там же. – С. 42–43.

номическую форму, Смит специально не обосновывает, ссылаясь на мудрость коллективного социума²⁴.

Д.Рикардо заинтересовался подходом А.Смита к понятию меры экономической ценности и предпринял попытки развить его. Если количество труда, заключённого в товарах, регулирует их меновую ценность, то всякое возрастание количества труда должно увеличивать ценность того товара, на который труд употреблён, а всякое уменьшение – понижать её, пишет он. И далее: А.Смит, выдвинул ещё одну меру ценности и сказал, что вещи меняются в ценности больше или меньше, смотря по тому, на большее или меньшее количество этого масштаба они обмениваются. Иногда он принимает за такой масштаб хлеб, иногда труд – не количество труда, затраченного на производство какого-нибудь предмета, а то количество его, какое можно купить за этот предмет на рынке²⁵.

Если бы это было действительно верно, отмечает Рикардо, если бы вознаграждение рабочего было всегда пропорционально тому, сколько он произвёл, количество труда, затраченное на товар, и количество труда, которое за этот товар можно купить, были бы одинаковым и любым из них можно было бы точно измерять изменения в ценности других вещей, но они не одинаковы; первое при многих обстоятельствах является неизменным масштабом, правильно показывающим изменения в других вещах, последнее подвержено стольким же колебаниям, как и товары, сравниваемые с ним. Смит, по мнению Рикардо, весьма искусно указав на недостаточность такого изменчивого измерителя, как золото или серебро для определения изменения ценности других вещей, сам избрал не менее изменчивый измеритель, остановившись на хлебе и труде. Поэтому неправильно говорить – вслед за Адамом Смитом, что если "труд может купить иногда большее, иногда меньшее количество благ, то изменяется их ценность, а не ценность труда, который покупает их", и что, следовательно "один труд, никогда не изменяющийся в собственной ценности, есть единственно конечный и действительный масштаб, которым можно оценивать или сравнивать ценность всех товаров во все времена и повсюду"²⁶. Но будет совершенно правильно сказать – опять же вслед за Адамом Смитом, что сравнительное количество товаров, которые труд производит, определяет настоящую и прошлую относительную ценность, а не сравнительные количества товаров, которые даются рабочему в обмен на его труд²⁷.

Таким образом, *Рикардо пытается прояснить содержание и уточнить функции института меры экономической ценности, обозначенного Смитом посредством дихотомии труда затрачиваемого и труда покупаемого. Первую ипостась (действительную цену – труд затрачиваемый, бытие экономического времени) он конституирует как собственно меру экономической ценности, вторую (по Смиту, естественную, соответствующую мере экономической ценности со стороны потребления, – труд по-*

²⁴ Там же. – С. 44.

²⁵ Рикардо Д. Принципы политической экономии. – Л., 1924. – С. 72–73.

²⁶ Там же. – С. 73–74.

²⁷ Там же. – С. 75.

купаемый) подвергает сомнению. Однако, выделяя труд затрачиваемый в качестве действительной меры меновой ценности всех благ, Смит отмечает, что обычно ценность их определяется не этим трудом. Во-первых, существует проблема соизмерения ценности товаров, изготовленных посредством простого и посредством сложного труда²⁸. Во-вторых, с накоплением капиталов и превращением земли в частную собственность труд определяет стоимость не только той части цены, что приходится на заработную плату, но и тех частей, которые приходятся на прибыль и ренту²⁹. Теперь меновые пропорции экономических благ начинают регулироваться не трудом, затрачиваемым на их производство и реализацию, а естественными нормами заработной платы, прибыли и ренты, в совокупности образующими естественную цену, к которой постоянно тяготеют рыночные цены всех товаров³⁰. Анализируя первый из указанных выше тезисов, Рикардо заключает, что искусство, ловкость и время для приобретения специальных трудовых навыков для коротких периодов незначительно влияют на относительную ценность благ³¹. Результаты проверки второго положения оказались настолько ошеломляющими, что заставили Рикардо с необходимостью признать то, в чём он вначале сомневался.

Выходило, что и в простом товарном хозяйстве, и в капиталистическом источником и мерой отношений стоимости выступает труд, затрачиваемый на производство экономических благ. Вместе с тем накопление капитала, не отменяя действия этого общего закона, усложняет его, видоизменяя, или модифицируя. Модификации, однако, оказываются настолько существенными, что ведут к устойчивому несоответствию рыночных цен трудовым затратам. Как установил Рикардо, во-первых, в зависимости от соотношения долей основного и оборотного капитала и разных сроков их оборачиваемости рыночная цена не будет точно пропорциональна количеству труда, воплощённому в товарах; во-вторых, в зависимости от соотношения применяемого в производстве капитала и труда относительные цены товаров формируются под влиянием изменений в заработной плате³².

Получается, что, с одной стороны, отношения стоимости регулируются затратами общественного труда и никоим образом не могут обуславливаться величинами факторных доходов; с другой – стоимость, заставляющая в меновой пропорции, с необходимостью включает в себя эти доходы как собственную меру. Так, заработная плата и прибыль регулируют не просто относительные цены, но и саму стоимость: величина прибыли зависит от величины заработной платы и в то же время определяется нормой прибыли, которая формируется объективно в ходе конкуренции предпринимателей. При этом капиталу, функционирующему на отраслевом уровне, уже задаётся готовая, сформировавшаяся заранее (в ходе межотраслевой конкуренции) средняя норма прибыли! Следовательно, величина прибыли пропорциональна не капиталу, затраченному на

²⁸ См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов.

²⁹ Там же. – С. 50.

³⁰ Там же. – С. 58.

³¹ Рикардо Д. Принципы политической экономии. – С. 77.

³² Там же. – С. 87–90.

наём труда, а всему совокупно авансированному в обществе капиталу. *Рыночное пространство, созданное людьми рукотворно, но по образу и подобию пространства естественного, природного, демонстрировало поразительный факт: все его субъекты находят здесь для себя средства для воспроизводства в виде изначально заданных факторных доходов, регулируемых естественными нормами, которые в конечном итоге обуславливаются совокупными трудовыми усилиями.* Институт меры экономической ценности представлял критерием гармоничности функционирования системы общественного хозяйства, он становился объёмно-многомерным, тождественным самой этой системе.

Впечатлённый результатами своих исследований, *Рикардо* отступил от первоначально исповедуемых ценностных принципов и *расширил предмет экономической науки, вовлёк в сферу её исследования, помимо бытия экономического времени, бытие экономического пространства* (экономические законы рукотворной природы). Так, источниками (а следовательно, и мерой) меновой стоимости товаров он назвал отношения стоимости и редкости (читай: предельной полезности), то есть экономической ценности. Вследствие этого *институт рыночной цены из точки-фокуса трансформировался у него во многомерную модель цены производства и приобрёл глобальные очертания гармоничной социально-экономической организации общественного хозяйства.* Здесь рыночная цена отдельного товара обуславливается (а следовательно, „измеряется“) не общественными затратами труда, понесёнными в прошлом на его непосредственное производство, но сложной системой форм и отношений его воспроизводства, включающей возможности и издержки будущей реализации и потребления. То есть рыночная цена отдельного экономического блага, отвечающего общественной потребности, выступает частной производной от совокупной системы цен отрасли, которая, в свою очередь, предстаёт как частная производная совокупной системы рыночных цен во всех отраслях национального хозяйства.

Тем самым *Рикардо*, исходно того не желая, прояснил и подтвердил *смитианскую дихотомию труда затрачиваемого и труда покупаемого как предтечу института экономической ценности, предвосхищающую возможность гармонического единства бытия экономического пространства-времени, отношений предельной полезности и стоимости, экономической эффективности и социальной справедливости посредством трансцендентно-функционального взаимообращения институтов меры экономической ценности и масштаба цен.* В ходе своего исследования он отчётливо формулирует и пытается разрешить *проблему отыскания неизменной меры экономической ценности, впоследствии воспринятую Дж.Кейнсом и развернутую П.Сраффой.* Так как товары изменяются в своей относительной ценности, пишет *Рикардо*, желательно было бы иметь способ для определения того, какие товары поднялись и какие понизились в действительной ценности (in real value). Это возможно сделать только сравнением каждого из них с каким-нибудь неизменным масштабом ценности, который не подвергался бы сам ни одному из тех колебаний, каким подвержены другие товары, а именно: изменениям количества труда, не-

обходимого для их производства, динамике размеров заработной платы, различиям в степени долговечности основного капитала, употребляемого на производство денег и других товаров, подлежащих сравнению с ними, разнице во времени доставки на рынок денег и товаров и пр.³³

Все эти обстоятельства, по мнению Рикардо, мешают какому-либо мысленному товару стать идеальной мерой экономической ценности. Взять хотя бы золото. Оно является товаром, добываемым при таких же условиях, что и все другие товары, а значит, может измениться в ценности по отношению к ним. Итак, ни золото, ни какой-либо другой товар не могут служить всегда совершенной мерой ценности для всех вещей, тем не менее, именно золото в практике хозяйственных расчётов выполняет функции реального масштаба цен. Размышляя над этим, *Рикардо впервые в экономической науке выдвигает гипотезу золотой меновой пропорции системы общественного хозяйства как неотъемлемого атрибута института меры экономической ценности*. Нельзя ли считать золото товаром, производимым при таком соотношении двух родов капитала, какое ближе всего к среднему отношению, встречающемуся в производстве большинства товаров? Не является ли это соотношение одинаково далёким от обеих крайностей – одной, когда употребляется мало основного капитала, или другой, когда употребляется мало труда, – и не занимает ли оно среднее место между ними?³⁴ – задаётся вопросом автор. Принимая свою догадку за аксиому, Рикардо заключает: буду считать неизменным в ценности золото, а все изменения в цене – происходящими от некоторых изменений в ценности того товара, о котором я буду говорить³⁵.

В целом, как видно, теории А.Смита и Д.Рикардо содержат цельный прообраз института экономической ценности как трансцендентно-функциональной взаимообусловленности бытия меры и меры бытия системы общественного хозяйства, предвосхищающего "трудовое восстановление" (по С.Булгакову) последней в контексте трёх основных ипостасей меры, обозначенных нами ранее (взаимообусловленности количественно-качественных изменений (границы меры), образной гармонии, эталона измерения). Сегодня в научных кругах, в сфере культурной жизни в целом господствует некое молчаливое согласие относительно того, что классический взгляд на мир исчерпал себя, стал достоянием истории и актуален лишь как некая ностальгическая ретроспекция. Исследователи-экономисты настолько далеко отошли от классического толкования явлений и процессов хозяйственной жизни, что уже почти никто не помнит, в чём же, собственно, состоит классический подход в науке. Между тем, последствия такого отхода отнюдь не безобидны, они имеют глобальный характер. Не обеспечивая концентрацию научного внимания на главных понятиях, отображающих органическую целостность объекта, исследователь как бы выпадает из истории, утрачивает ценностные нити научной преемственности, а вместе с тем и способность прозревать будущее – впадает в состояние ценностного беспамятства, безвременья. Сегодня

³³ Там же. – С. 90.

³⁴ Там же. – С. 91.

³⁵ Там же. – С. 92.

становится всё более очевидным, что классическое ценностное наследие есть нечто большее, чем исторический багаж человечества: будучи пропущенным сквозь призму пространственно-временного анализа, оно выявляет мощный потенциал социально-экономического осмысления идеи относительности. Неоспоримым подтверждением сказанного является классический подход к истолкованию института меры экономической ценности, наглядно проиллюстрировать который возможно лишь с помощью инструментария неевклидовой геометрии (рисунок).

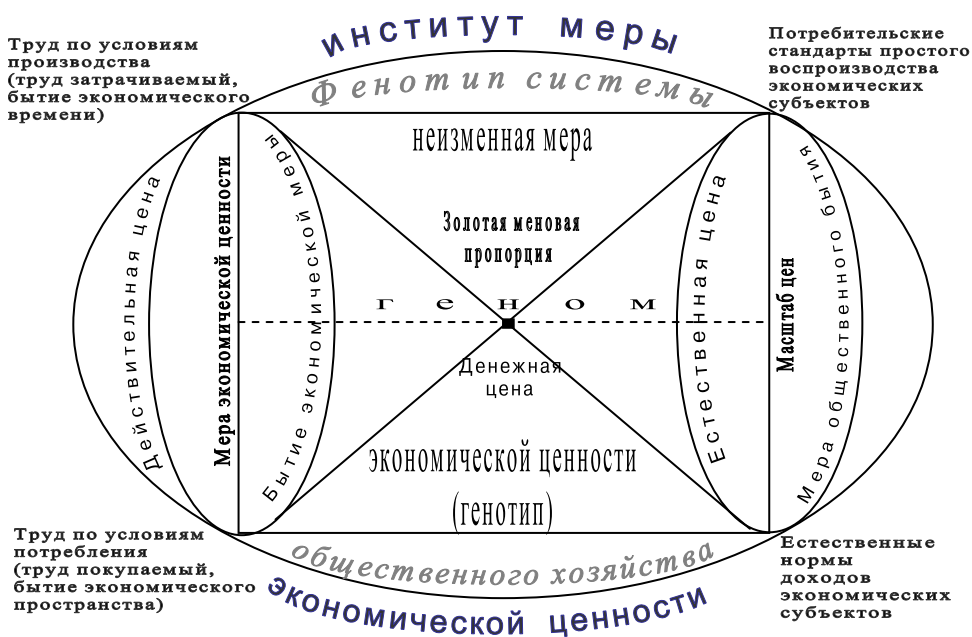

Рисунок. Институт меры экономической ценности как золотая меновая пропорция системы общественного хозяйства

Итак, в контексте классического понимания институт меры экономической ценности есть общественное экономическое благо, которое суть деньги, ибо свою трансцендентную сущность в системе общественного хозяйства указанный институт реализует посредством трёх основных функций, каждая из которых есть цена. К числу этих функций относятся:

1) мера экономической ценности, которая отображает действительную (истинную, идеальную) цену экономических благ с позиций единства труда, общественно необходимого как по условиям производства (по Смит, труда затрачиваемого, бытия экономического времени), так и по условиям потребления (по Смит, труда покупаемого, бытия экономического пространства). Эту функцию деньги выполняют идеально – как мысленно представляемые, как мысль о деньгах (мыслевремени, невременящееся время, как сказал бы Августин), призванных в единстве принципов экономической эффективности и социальной справедливости искупить трудовую жертву спокойствием, свободой, счастьем;

2) *масштаб цен* как естественная цена, призванная увязать естественные нормы доходов экономических субъектов общественного хозяйства с потребительскими стандартами их простого воспроизводства. Потенциально эту функцию могут выполнять экономические блага, имеющие характер жизнеобеспечивающих, представляющие единицы стандартного труда, выполняющие функции денег;

3) *средство обмена* (обращения) – денежная цена, золотая меновая пропорция, отображающая взаимное перетекание (взаимопревращение, трансцендентно-функциональную трансформацию) действительной и естественной цены, бытия экономического пространства-времени, в широком смысле – меры и масштаба. Это главная функция, которая идентифицирует меру экономической ценности как институт, ибо лишь она обеспечивает реализацию экономической потенции общественного хозяйства в направлении достижения идеала трудового восстановления мира.

Необходимо отметить, что в явном виде определения института меры экономической ценности и его функций у классиков нет, они как бы разлиты в их работах, требуется значительная концентрация научного внимания, чтобы вычленил и обобщить основные идеи, касающиеся интересующей нас проблемы. Так, Рикардо, например, отмечает, что, устанавливая принципы, регулирующие меновую стоимость и цену, мы должны тщательно отличать изменения, причины, находящиеся на стороне товара, от изменений, вызываемых изменениями в измерителе, в котором определяется ценность или выражается цена³⁶. Тем самым обосновывается настоятельная потребность в разграничении двух важнейших общественных функций денег – меры стоимости и масштаба цен, однако такого разграничения в работах Рикардо нет, что обуславливается особенностями его методологии как рефлексии бытия синкретичного пространства-времени³⁷. Эта особенность была подмечена К.Марксом: "В сочинениях английских авторов имеет место невообразимое смешение понятий "мера стоимостей" (measure of value) и "масштаб цен" (standard of value). Постоянно смешиваются сами эти функции, а следовательно, и их названия"³⁸.

Марксу удалось, разграничив эти функции денег, более зримо "проявить" их, однако его анализ развёртывается в системе координат, отражающей бытие отношений не экономической ценности, а стоимости – "чистого" экономического времени, замкнутого на себя. Бытие экономического пространства (отношений предельной полезности) здесь утрачивает самостоятельное значение, принимая облик "бессодержательной формы", и включается в предмет исследования (по Марксу, приобретает определённость экономической формы) лишь на правах "носительницы" (вместилища) стоимости. В отношении института меры экономической ценности указанный подход реализовал себя таким обра-

³⁶ Там же. – С. 93.

³⁷ Артёмова Т.И. Стоимость и цена: логико-исторический процесс формообразования. – С. 71–72 и др.

³⁸ Маркс К. Капитал: В 4-х т. – Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – С. 108.

зом, что масштаб цен (по Смиту, естественная цена экономической жизнедеятельности хозяйственной системы как универсума) трансформировался в инструмент, техническое орудие реализации функции денег как меры стоимостей.

Исследуя проблему меры стоимости, Маркс исходит из двух посылок: во-первых, что денежным товаром в его абстрактной системе общественного хозяйства является золото; во-вторых, что золото функционирует как всеобщая мера стоимостей, и, прежде всего, "в силу этой функции золото – этот специфический эквивалентный товар – становится деньгами"³⁹. В отличие от Смита, который обосновывал необходимость функционирования золота в виде реального масштаба цен мудростью коллективного социума, и от Рикардо, высказавшего гипотезу об объективной обусловленности золотой меновой пропорции, Маркс предполагает золотое денежное обращение ради простоты собственного анализа⁴⁰. В целом применительно к объекту Марксова исследования (а он рассматривает такие условия общественного производства, где капиталы тяготеют к среднему органическому строению) указанное предположение оправдано, более того, оно подтверждает идею Рикардо, которая, в свою очередь, объясняет догадку Смита. Но *исходно выбранная Марксом система координат находится вне пределов русла ценностного анализа, сформированного Смитом и Рикардо*, поэтому он внешне (формально) поддерживает диалог с ними, а по сути – словно и не слышит их.

Аналогично обстоят дела со второй посылкой. Смитианская дихотомия труда затрачиваемого и труда покупаемого, прошедшая проверку в теории Рикардо, с необходимостью обуславливает взаимоувязку меры стоимости со стороны бытия экономического времени и бытия экономического пространства. Приведённое выше высказывание Маркса свидетельствует о том, что идея эта ему явлена, но дальнейший ход рассуждений говорит об обратном: в его системе координат она нераспознаваема, а следовательно, не может быть развёрнута. Так, несмотря на то, что первейшая функция золота, по словам Маркса, состоит в том, чтобы "выразить стоимости товаров как одноименные величины, качественно одинаковые и количественно сравнимые"⁴¹, сама по себе натуральная форма золотого денежного материала так и не выходит в системе его анализа за пределы своей количественной определённости. Эта логическая апория в пределах ценностной конструкции марксизма оказывается неразрешимой. *Критики говорят о методологической несопоставимости первого и третьего томов "Капитала", но зёрна теоретического разлада заложены уже в первом томе, при формировании основных экономических понятий и в первую очередь тех, которые связаны с рефлексией института меры экономической ценности*. Обратимся к первоисточнику. "Цена, или денежная форма товаров, как и вообще их стоимостная форма, есть нечто, отличное от их чувственно воспринимаемой реальной телесной формы, следовательно, форма лишь идеальная, существующая лишь в

³⁹ Там же. – С. 104.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

представлении"⁴², – говорит Маркс. Если это так, то "функцию меры стоимости деньги выполняют лишь как мысленно представляемые, или идеальные деньги". В то же время "цена всецело зависит от реального денежного материала". Так, смотря по тому, золото, серебро или медь служит мерой стоимости, стоимость, например, тонны железа выражается в совершенно различных ценах, или в совершенно различных количествах золота, серебра или меди. Двойственность же меры стоимости (в случае, если мерой стоимости одновременно служат два разных денежных товара, например, золото и серебро) и вовсе противоречит её функции⁴³. Более того, денежная форма стоимости скрывает за собой количественно-качественное противоречие стоимости и цены. Величина стоимости, говорит Маркс, выражает необходимое, имманентное самому процессу соиздания товара отношение к общественному рабочему времени. С превращением же величины стоимости в цену это необходимое отношение проявляется как меновое отношение данного товара к находящемуся вне его денежному товару, вследствие чего возможны не просто количественные отклонения цены от величины стоимости, но и качественные противоречия, когда цена вообще перестает быть выражением стоимости, хотя деньги представляют собой лишь форму стоимости товаров⁴⁴.

Казалось бы, наличие такого рода противоречий заставляет более внимательно отнестись к особенностям реализации функций меры стоимости и масштаба цен. Действительно, Маркс замечает, что "как мера стоимостей и как масштаб цен деньги выполняют две совершенно различные функции"⁴⁵. Из последующих рассуждений, однако, видно, что различия между этими двумя ликами единой денежной меры обуславливаются в „Капитале” не спецификой их обоюдоравнозначной трансцендентно-функциональной миссии в реализации отношений экономического обмена и процесса ценообразования, а, наоборот, их заведомой неравноценностью. Мерой стоимости деньги являются как общественное воплощение человеческого труда, масштаб цен – как фиксированный вес металла. Как мера стоимости они служат для того, чтобы превращать стоимости бесконечно разнообразных товаров в цены, в мысленно представляемые количества золота; как масштаб цен они измеряют эти количества золота, технически обслуживают необходимость сводить различные количества золота к какому-либо фиксированному его количеству как единице измерения⁴⁶. При таком подходе Марксова функция денег как средства обращения (в контексте классического истолкования – главная функция, идентифицирующая деньги как институт меры экономической ценности) не может быть реализована. Она оказывается замкнутой на бытие идеальной (мысленно представляемой) экономической меры, не получает выхода в реальное бытие системы общественного хозяйства, не обеспечивает трансцендентно-функциональную трансформацию – взаимоперетекание – бытия экономического пространства-времени. В свою

⁴² Там же. – С. 105.

⁴³ Там же. – С. 106.

⁴⁴ Там же. – С. 112.

⁴⁵ Там же. – С. 107.

⁴⁶ Там же. – С. 107–108.

очередь, для системы общественного хозяйства как универсума идеальное бытие денег как меры стоимостей оказывается безобразным, неопознанным и в силу этого не может служить мерой бытия, предвосхищающей возможность гармонического восстановления самой этой системы. Да и с позиций логического анализа взаимосвязь между функциями денег как меры стоимостей и масштаба цен в "Капитале" предстаёт "блужданием по кругу", доходящим (и доводящим) до раздвоения сознания. Так, по Марксу, масштаб цен должен оставаться неизменным при абсолютном беспокойстве относительной (идеальной) меры стоимости. Для масштаба цен определённый вес золота должен быть фиксирован как единица измерения; здесь, как и при всяком другом определении одноимённых величин, решающее значение имеет устойчивость соотношения мер, говорит Маркс, казалось бы, вступая в диалог с Рикардо. В то же время мерой стоимостей золото, по его мнению, может служить лишь потому, что оно само представляет продукт труда и, следовательно, стоимость потенциально переменную⁴⁷.

В силу ряда причин денежные названия определённых по весу количеств металла мало-помалу отделяются от своих первоначальных весовых названий; это отделение становится народным обыкновением, пишет Маркс далее. Так как денежный масштаб, говорит он, с одной стороны, совершенно условен, а с другой – должен пользоваться всеобщим признанием, то он, в конце концов, начинает регулироваться законом. Определённое весовое количество благородного металла, скажем, унция золота, официально разделяется на определённые части, которые нарекаются при этом своим легальным крещением именами, например, фунт, талер и т. д.⁴⁸ "Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с её природой... Точно так же и в денежных названиях – фунт, талер, франк, дукат и т. д. – изглаживается всякий след отношения стоимостей. Путаница в том, что касается скрытого смысла этих кабалистических знаков, тем значительнее, что денежные названия выражают одновременно и стоимость товаров и определённую часть данного веса металла, денежного масштаба"⁴⁹. "Так как золото в качестве масштаба цен выступает под теми же самыми счётными названиями, как и товарные цены..., то эти счётные наименования золота называли его монетной ценой. Отсюда возникло странное представление, будто золото (или серебро) оценивается в своём собственном материале и, в отличие от всех других товаров, получает от государства твердую цену"⁵⁰. "Форма цены предполагает отчуждаемость товаров за деньги и необходимость такого отчуждения. С другой стороны, золото функционирует как идеальная мера стоимости только потому, что оно уже обращается как денежный товар в меновом процессе. В идеальной мере стоимостей скрывается, таким образом, звонкая монета"⁵¹. Цитаты можно продолжить; борьба разума и чувств, интеллигибельного и сенсигельного (по И.Канту), отражённая в них, со

⁴⁷ Там же. – С. 108.

⁴⁸ Там же. – С. 109–110.

⁴⁹ Там же. – С. 110–111.

⁵⁰ Там же. – С. 111.

⁵¹ Там же. – С. 113.

всей очевидностью демонстрирует тот факт, который Марксу не позволяет признать сформированная им логическая конструкция, а именно, что *золото по своей природе является деньгами*.

Восприятие меры стоимостей как одной из функций денег, а масштаба цен в качестве технического счётного подспорья этой функции стало непреложной истиной для сторонников марксистского подхода в науке; в полной мере такое положение вещей сохраняется на постсоветском научном пространстве, что может засвидетельствовать почти каждый учебник по экономической теории. "Исходной функцией денег, читаем в одном из пособий, является мера стоимости. Она состоит в том, что посредством денег измеряется стоимость всех товаров. В результате каждый товар получает свою цену. Когда роль денег выполнял драгоценный металл (золото или серебро), тогда необходим был масштаб цен. Он представлял собой установленное государством, то есть условное количество денежного металла, принятое в данной стране за единицу его же измерения. Подобно тому, как для измерения длины люди берут за единицу метр, фут, а за измерение веса – килограмм, фунт, так и для измерения денежного металла устанавливается определённая единица. Но ныне все валюты официально не имеют золотого содержания. Следовательно, в настоящее время отсутствует и масштаб цен"⁵². Аналогичные положения можно найти и у других авторов⁵³.

В контексте ценностной методологии приведённое выше высказывание истинно: если отсутствует золотое денежное обращение, то нет и масштаба цен, ибо масштаб цен – это золотая меновая пропорция системы общественного хозяйства. Однако это не вся истина. Развивая представления о цене как генетической единице системы общественного хозяйства (которая, развертываясь в естественную цену как генотип социально-экономической организации, выступает в форме масштаба цен адекватной мерой гармоничности равновесного функционирования и устойчивого развития хозяйственной системы, важнейшей общественной функцией института меры экономической ценности, отображающей условия оптимальной взаимосвязи принципов эффективности и справедливости в социуме при формировании "естественных норм" доходов и потребительских стандартов воспроизводства субъектов), логично сделать вывод, что *отсутствие масштаба цен в этой системе означает её "произвольное проектирование", а вместе с тем нарастание хаоса хозяйственной жизнедеятельности и страдания её субъектов*.

Но даже если исходить из посылки, что масштаб цен является техническим орудием реализации функции денег как меры стоимостей, то каким образом реализует себя сегодня эта, а также другие функции денег? По Марксу, мера стоимостей – главная опознавательная функция денег, все остальные подчинены ей, вытекают из неё. Попытка прояснения механизмов функциональной взаимосвязи в системе "мера стоимости" – "масштаб цен" с необходимостью восходит к проблеме институционального познания современных денег. Но для большинства нынеш-

⁵² Бутук А.И. Экономическая теория. – К., 2000. – С. 103–104.

⁵³ См.: Экономическая теория (политэкономия). – М., 2004 и др.

них исследователей более увлекательным и прагматически обусловленным оказывается процесс моделирования механизмов и режимов монетарной политики; при таком подходе экономическая наука, на первый взгляд, выполняющая активную миропреобразующую функцию, в действительности с готовностью принимает и оправдывает тот факт, что „деньги утрачивают особую роль в экономической жизни и исчезают, уступая место новым формам выполнения денежных функций”⁵⁴. То есть в современной экономической науке происходят те же процессы, что и в молекулярной биологии и во всех других науках – дробление и обособление первоэлементов единого целого, “растаскивание” объекта исследования по частям, которые в итоге оказывается невозможным свести в единую концепцию.

Как ни больно это признавать, но сегодняшняя ситуация в интеллектуальной среде мирового глобального социума, несмотря на торжественное провозглашение эры экономики знаний, напоминает состояние прогрессирующего угасания. Из научных исследований исчезает дух поиска – мучительных раздумий, сомнений, предельного напряжения душевных сил в попытках прояснить главные (сущностные, осевые) проблемы бытия. А ведь все это и есть дух творчества – жизненный порыв, “высший цвет материи” (по Ф.Энгельсу), который пробуждает надежду воссоединения с Творцом. В экономической теории именно проблема меры экономической ценности является главным вопросом, своего рода пробирным камнем экономического знания, а вместе с тем критерием гармоничности функционирования и развития всей системы общественного хозяйства. Однако даже те авторы, которые сегодня пытаются развивать традиции ценностной научной методологии, проблему меры экономической ценности, как правило, рассматривают либо в разрезе чистой экономической теории, либо в плоскости совершенствования расчётных экономических показателей.

Сегодня отношения гражданской демократизации и либерализации товарных рынков, обусловленные формированием сетевой экономики и распространением новейших информационных технологий, стремительно имплицитно в пространственно-временную ткань денежной системы и денежного обращения, вызывая к жизни явления и процессы, малоисследованные в науке, а следовательно, непрогнозируемые и неуправляемые на практике. К их числу относится, в частности, феномен секьюритизации “как результат поиска хозяйствующими субъектами путей достижения определённых целей” посредством выпуска ценных бумаг, роль источника платежей по которым играют объединения различных активов⁵⁵. За последние 20 лет, по расчётам И.Алексеевой и А.Рачкевича, капитализация рынка MBS/СМО и ABS увеличилась в 21 раз и на конец 2005 года составляла почти половину от капитализации мирового рынка ценных бу-

⁵⁴ Кузнецов Н. Либерализация денежного обращения: проблемы и подходы // Вопросы экономики. – 1999. – № 8. – С. 5.

⁵⁵ См.: Алексеева И.А., Рачкевич А.Ю. Секьюритизация: этапы развития // Деньги и кредит. – 2006. – № 7. – С. 27–36.

маг⁵⁶. В странах с переходной экономикой, в том числе в Украине, можно наблюдать зачатки формирования и быстрого развития такого рынка. Отношения секьюритизации, таким образом, приобретают всемирный характер, а вместе с ними массовое распространение получает новая форма стоимости и денег.

Специалисты оценивают её неоднозначно. А.Гриценко характеризует её, прежде всего, как идеальную форму. Сегодня в странах с развитой рыночной экономикой, отмечает автор, значительное распространение получили кредитные карточки, которые объединили платёжно-расчётную и кредитную функции. Карточки эти именные и поэтому не выполняют функцию средств обращения. В расчётно-знаковой форме стоимости идеализация денег достигла своей вершины. Кроме прочего, это выражается в том, что расчётный знак, который не пребывает в обращении и для которого материальное бытие не является существенной внешней формой, в конце концов, эту форму с себя сбросил. Так был осуществлён переход к идеальной форме стоимости. При идеальной форме стоимости приостанавливается реальное движение не только денег, но и их знаков. Деньги как реальность просто исчезают, остаётся их идеальная форма⁵⁷. С позиций ценностной методологии сказанное выше свидетельствует о глобальном распространении эффекта "ускользающего бытия", о "свёртывании" института меры экономической ценности в "точку мыслевремени", а вместе с тем – о начале конца экономической истории. Однако можем ли мы сегодня говорить о благополучном историческом исходе? Смогло ли человечество подготовить предпосылки достойного выхода за пределы экономического бытия? Идеальное (от французского *ideal* – образец, совершенство, высшая цель стремлений) есть нечто совершенное, соответствующее идеалу. В таком контексте *современную форму стоимости и денег признать идеальной нельзя, она не является истинно общественным благом*, но потенциально означает выход за пределы бытия, по В.Кутыреву, – переход из "вечнособытийного, предметного в экранное, знаковое информационно-виртуальное состояние"⁵⁸. „Виртуальная стоимость, – говорит А.Гриценко, – возникает из такой реальной стоимости, которая в процессе обращения приобретает отрицательную форму (например, долга) и, в конце концов, оказывается нереальной, пустой, бессодержательной стоимостью"⁵⁹. Устремляясь всё дальше и дальше вовне, она всё более может уподобляться, по Гегелю, лишь отрицательной дурной бесконечности, которая, в отличие от истинной бесконечности, не возвращается в самую себя.

Так, сегодня исследователи констатируют, что разработанные в рыночно зрелых странах технологии электронных платежей, взаимозачётов, кредитов и пр. способствуют значительному ускорению оборота денег, отвлечению огромного их количества с потребительского рынка на рынок спекулятивных финансовых инструментов (прежде всего, на

⁵⁶ Там же. – С. 34.

⁵⁷ Гриценко А. Представницька теорія грошей // Вісник НБУ. – 2005. – № 7. – С. 11.

⁵⁸ Кутырев В.А. Оправдание бытия // Вопросы философии. – 2000. – № 5. – С. 31.

⁵⁹ Гриценко А.А. Развитие форм обмена, стоимости и денег. – К., 2005. – С. 101.

фондовый), открывают возможности для изобретения хитроумных способов "отключения" типичных для рыночной экономики обратных связей между количеством обращающихся денег и инфляцией. Такие технологии, ускоряя процессы оборота денег, порождают в системе общественного хозяйства явление ценностной фуркации, при котором деньги, с одной стороны, продолжают выполнять функцию платёжного средства в расчётах за товары и услуги реального сектора экономики, с другой – всё более зримо обнаруживают свою виртуальную (по А.Гриценко, расчётно-знаковую) природу и, будучи выведенными за рамки традиционной формулы оценки инфляции, только укрепляются, если дорожает то, что на них приобретается⁶⁰.

"Наилучшие условия для "размножения" этих денег складываются тогда, когда они оказываются в распоряжении тех, кого потребительские (бытовые) проблемы не волнуют, кто не испытывает желания потратить их на повышение своего благосостояния, а просто хочет их приумножить, – пишет Е.Роговский. – "Повинуясь желанию" самой уважаемой части населения планеты, то есть той, что распоряжается подавляющей долей финансовых средств (в том числе, государственных!), большая часть мировых денег сегодня предпочитает не расходоваться, а умножаться. В результате залогопригодные национальные богатства многих стран (как материальные, так и нематериальные) ориентируются не столько на решение социальных, демографических, экологических и прочих проблем, сколько на опережающее умножение капитала"⁶¹. В таких обстоятельствах прояснение условий и предпосылок восстановления института меры экономической ценности представляется нам в экономической науке делом первостепенной важности. И исследование таких предпосылок, на наш взгляд, следует начинать с восстановления классического духа экономического мышления. Классика – это не просто научный метод, это образ жизни, а следовательно, и её мера – мера общественного бытия и каждого из его субъектов на соответствие образу.

⁶⁰ См.: Роговский Е.А. Удастся ли Соединенным Штатам глобализировать свои долги? // США–Канада: ЭПК. – 2006. – № 7. – С. 55–72.

⁶¹ Там же. – С. 60–61.